

Цзян Иньюй шёл быстро, так что Ань Шэн, толкая велосипед, едва поспевал за ним. Длинные ноги действительно позволяли ему двигаться быстро.

Придя в закусочную, Цзян Иньюй заказал жареный рис и бутылку напитка.

Ань Шэн, стоя рядом с велосипедом, понимал, что у Цзян Иньюя сейчас плохое настроение, и это из-за того звонка.

Подумав, он всё же отъехал в сторону.

Если бы у него было плохое настроение, он бы тоже не хотел, чтобы кто-то знакомый видел его в таком состоянии.

Так думал Ань Шэн.

Весь день Цзян Иньюй почти не разговаривал, словно ракета, готовый в любой момент взлететь в небо и взорваться.

После занятий Ань Шэн взглянул на расписание экзаменов и собрался уходить. Перед уходом он незаметно предупредил Чжао Вэня, чтобы тот не лез, иначе сам бы оказался под ударом.

На вечернем занятии одна из учениц попросила Цзян Иньюя объяснить ей задачу, надеясь на последний шанс. Это была девушка, но Цзян Иньюй без эмоций объяснил ей всё, и та, почувствовав напряжённую атмосферу, быстро ушла с готовыми записями.

Чжао Вэнь, наблюдая за этим, только качал головой.

Эх! Упущенный шанс! Если бы это был он, то обязательно воспользовался бы моментом, в отличие от этого простака...

Последнюю часть вечернего занятия пропустили, староста раздал наклейки с именами для экзаменов, и после этого все могли идти домой.

По пути домой Цзян Иньюй держал телефон в руке, открыл чёрный список и вытащил оттуда всех.

Не прошло и минуты, как позвонил Син Кэ.

— Алло? Чёрт возьми, Цзян Иньюй! С этого момента у нас всё кончено, я тебе говорю!

На фоне слышался шум, видимо, там что-то происходило. Цзян Иньюй спокойно ответил:

— Ага.

И положил трубку.

Но не прошло и минуты, как звонок повторился.

— Да нет, я говорю, ты вообще меня ценишь? Ты даже не забеспокоился, услышав это!

Цзян Иньюй, продолжая идти, ответил:

— Ты же не мой парень, зачем мне тебя ценить?

На том конце наступила тишина, видимо, он отошёл в более спокойное место.

— Ладно. Ты читал мои сообщения, которые я тебе отправил пару дней назад? Или ты держал меня в чёрном списке?

Цзян Инъюй, проходя по тропинке, просто сказал:

— Угу.

Такой тон мог бы рассердить кого угодно, но Син Кэ знал его, поэтому только вздохнул, понимая, что это бесполезно.

— Ну и почему ты меня сегодня выпустил? Если бы я не звонил каждый день, ты бы вообще мне не написал.

— Нет, — Цзян Инъюй выдохнул, грудь до сих пор была тяжёлой, и он едва мог дышать. — Сегодня мама позвонила, с другого номера.

Он планировал позвонить вчера, но забыл.

— Ага, — Син Кэ загнулся. Он знал, что отношения Цзян Инъюя с матерью были сложными, поэтому постарался сменить тему. — Ладно, я просто хотел спросить, когда ты вернёшься. Ты же должен навестить меня в отпуске, верно?

Цзян Инъюй, подходя к дому, ответил:

— Потом. Я уже дома, пока.

Он полез в карман:

— Чёрт...

Ключей не было.

Он постучал в дверь, но через пять минут ответа не последовало.

Набравшись терпения, он постучал ещё раз, но снова безрезультатно. Бабушка не могла ещё не вернуться, уже было половина десятого, и температура опустилась. Куда она могла уйти?

Цзян Инъюй потирал мурашки на руках, глядя на плотно закрытую железную дверь, и с силой пнул её.

— Чёрт!

Видимо, он ударил слишком сильно, потому что ремешок шлёпанца порвался, а большой палец ударился о железо, вызывая жгучую боль.

— Чёрт, чёрт, чёрт!

Цзян Инъюй вдруг почувствовал, как слёзы наворачиваются на глаза. Он понюхал, постоял на цыпочках и вдруг услышал голос бабушки.

Та несла на спине большую связку картона, почти полностью скрываясь за ней, и едва заметила его, приняв за движущуюся кучу бумаги.

— Иньэр, почему ты ещё не зашёл? Ключей нет? — Бабушка с трудом опустила картон, достала ключи и открыла дверь.

Цзян Иньюй, стараясь скрыть своё состояние, отвернулся и пробормотал, что забыл ключи.

Войдя во двор, они оказались в лунном свете, но Цзян Иньюй всё равно плохо видел, особенно когда его нога наступила на что-то холодное и липкое...

Он не хотел разбираться, что это было, и, прихрамывая, подошёл к крану, открыл воду и начал промывать ногу, испытывая одновременно боль и холод.

Вернувшись в дом, бабушка начала готовить ужин, но он, отвернувшись, сказал, что не хочет есть.

— Эй, как же так? Ужин нужно есть, даже если не хочется, иначе не вырастешь, — бабушка весело начала готовить, но, потрогав его руку, удивилась. — Тебе не холодно? Одежду надень.

— Ты, ребёнок, совсем не бережёшь себя...

Цзян Иньюй, уже собравшийся уходить, вдруг остановился:

— Я действительно доставляю много хлопот. Прости.

Бабушка удивилась:

— Да что ты? Какие хлопоты? Я же твоя бабушка, а ты мой внук. Ладно, я приготовлю ужин, а ты иди оденься.

— Я сказал, не хочу есть, и мне не холодно, — ответил он.

Раздражение в его груди продолжало накапливаться, готовое выплеснуться.

— Не голоден, но есть нужно, ты же... — Бабушка вдруг почувствовала, что её внук из города стал чужим и непонятным.

— Я сказал, не хочу! Не буду!

Цзян Иньюй вдруг резко повернулся к бабушке и закричал, его плечи слегка дрожали.

— Чего орёшь? Не хочешь — и не надо, кто тебя заставляет! — Ань Шэн, держа вещи, которые Ань Ли попросила передать, поставил их на стол и подошёл к бабушке, успокаивая её.

Тедань, свернувшись у двери, наблюдал за напряжённой сценой.

Цзян Иньюй, с красными глазами, резко повернулся к Ань Шэну и крикнул:

— Какое тебе дело!

— Ха! — Ань Шэн рассмеялся, закатывая рукава. — Ты что, думаешь, это твой дом? Не забывай, твой дом в большом городе, а здесь деревня, и она не может вместить такого великого человека. Если тебе здесь плохо, возвращайся обратно!

Его выражение лица и полное презрение действительно вызвали желание убить его на месте.

Цзян Иньюй сжал кулаки, явно сдерживая себя, чтобы не ударить.

Ань Шэн, увидев это, снял очки и положил их на стол:

— Что, не нравится? Хочешь подраться? Давай, вчера же обсуждали, что хочешь попробовать, давай же, отличник!

— Чёрт!

Терпение лопнуло.

Цзян Иньюй отшвырнул стул и ударил Ань Шэна в лицо с такой силой, что тот упал на пол.

Бабушка, чуть не плача, металась между ними, пытаясь поднять Ань Шэна и удержать разъярённого Цзян Иньюя.

— Бабушка, отойди, я сегодня этого ублюдка приблюю... — Ань Шэн, вытирая кровь с губ, вскочил и бросился на Цзян Иньюя, которого держала бабушка.

— Ёб твою мать, ёб твою мать! — Ань Шэн, сев на него сверху, продолжал бить. — Ублюдок, ты зазнался! Иди к чёрту!

Бабушка, оттолкнутая Цзян Иньюем, случайно ударилась о стену, наблюдая за дерущимися, её сердце разрывалось. Она хлопала себя по бёдрам:

— Что за наказание! Боже!

— Хватит драться! Ой, хватите!

<http://bllate.org/book/16784/1543592>